

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 168.522

Коровин С.В.

Воронежский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ТЕКСТА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема статуса текста в рамках социально-гуманитарного научного познания посредством философского анализа, философско-герменевтического, семиотического и общекультурного подходов к проблеме текста. На основе проведенного анализа делается вывод, согласно которому попытки абстрактно-структурного рассмотрения текста, предпринятые в частности в рамках семиотического подхода к нему, тем не менее не преодолели необходимости обращения к субъекту познания, выполняющего смыслообразующие функции в соотношении текст – познание текста.

Ключевые слова: социально-гуманитарное познание, текст, субъект, семиотика, философская герменевтика.

S. Korovin

Voronezh State Pedagogical University

THE PROBLEM OF TEXT STATUS IN SOCIAL HUMANITIES

Abstract. The article examines the problem of text status in socio-humanitarian knowledge by applying the techniques of philosophical and philosophically hermeneutic analysis, semiotic, and cultural approaches. The conclusion is made that abstract-structural examination of the text in semiotics has not overcome the need for treatment of the subject of knowledge performing semantic functions in “text-knowledge of the text” relations.

Key words: socio-humanitarian knowledge, text, subject, semiotics, philosophical hermeneutics.

Текст, являясь важнейшей категорией социально-гуманитарного познания, подвергается сегодня ряду значительных тенденций, имеющих качественный характер. Данное обстоятельство является следствием характеристик социокультурной среды, в которой существует текст. Идеи, проявляющие себя в поле

постструктуралистских и постмодернистских философских построений, заключающиеся в утверждении «смерти автора» и стремлении к анализу текста в отрыве от автора и субъекта, имея под собой определённые основания, проявляющие себя в социальной реальности, вместе с тем можно охарактеризовать в том числе и как крайне спекулятивные, так как любой текст все же создается и интерпретируется человеком, что в свою очередь ослабляет их эвристический потенциал.

Многообразие подходов от общеподобных до конкретно-дисциплинарных к изучению текста создаёт трудности для определения статуса текста в научном познании и социуме. Вместе с тем в настоящее время представляется возможным выделить ряд направлений, в наиболее общем виде репрезентирующих многочисленные подходы к пониманию и трактовке текста. Приведенные ниже направления предполагается возможным воспринимать, как развивающиеся в общем поле «лингвистического поворота», что в свою очередь определяет условность их разграничения, проявляющуюся в частности во взаимном присутствии во всех из них некоторых схожих построений. Другим аспектом, принуждающим нас указывать условность разграничения, является их общий вклад в формирование идей онтологии неклассического типа [10, с.125]. Вместе с тем основой для выделения данных направлений является понимание в них роли и места познающего субъекта.

Один из подходов к тексту заключает в себе его понимание, как мира опосредованного через текст и в таком виде данного познающему субъекту. В

данном случае граница текста определяется границами мира, реальности, это в конечном счёте приводит к тому, что понимание границ текста расширяется до бесконечности. Данное обстоятельство выражается в частности в формировании представления о бесконечном количестве смыслов, порождаемых текстом в результате таких процессов как творчество, интерпретация, понимание присущих в конечном счёте познающему субъекту (интерпретатору или автору).

Подобное понимание текста начинает проявлять себя в философской герменевтике, выводящей понимание на онтологический уровень. Вместе с тем изучение философской герменевтики демонстрирует достаточно парадоксальную ситуацию, выражающуюся в том что традиционная герменевтика, в её изначальном «дофилософском» понимании, обладающая дисциплинарным характером имеет непосредственное отношение к тексту как таковому вне зависимости от того какие качества, смыслы, содержания несёт в себе данный текст. Развиваясь на философском уровне, современная герменевтическая традиция, идущая в первую очередь от Г.-Г. Гадамера, включила текст в ряд неглавенствующих понятий. Подобная ситуация, сложившаяся вокруг текста в рамках философской герменевтики, отмечается в частности Ю. М. Немцевым, исследовавшим историко-философский аспект герменевтической философии [8]. Основные выводы автора относительно понимания текста в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера указывают на отсутствие в нём какого-либо учения о философском тексте, данное утверждение вероятно ак-

туально не только для философского текста, но и для текста вообще. Каковы причины того, что в философской герменевтике «текст как таковой не становится предметом специального анализа» [7, с.36].

Причины указанного выше вероятно следует искать в области понимания Г.-Г. Гадамером изначальных позиций познающего. При рассмотрении данной проблематики интересным представляется то, что самим Г.-Г. Гадамером была указана определённая общность, существующая между герменевтикой и семантикой, а именно то, что «и семантика и герменевтика оставили попытки выйти за пределы языка, как первейшей формы данности всякого духовного опыта» [2, с. 60]. Уже исходя из данного утверждения, можно говорить об определённой причастности философской герменевтики к пониманию текста, как мира опосредованного через текст и в таком виде данного его интерпретатору, то есть интерпретатору мира через текст (язык). Вместе с тем семантическая, входящая в семиотическую, и философская герменевтическая традиции всё же расходятся в своём понимании текста, в первую очередь причины данного расхождения следует искать в понимании места познающего субъекта в мире, в структуре его собственной бытийности. Указанное расхождение проявляет себя в понимании соотношения текста и языка, основным здесь будет являться понимание того, что язык намного более экзистенциальное образование, по крайней мере в его отношении к человеку, нежели чем текст, в то время как текст носит металичный, социальный характер, порождает объективированный смысл.

Вместе с тем гомогенность языка и познающего субъекта, проявляется в том числе и в большей фундаментальности языка по отношению к тексту, а текст в свою очередь запечатлевший в себе объективированный смысл, созданный посредством языка в обмен на потерю языковой фундаментальности, обретает большую методологическую приемлемость. В философской герменевтике семиотика предстаёт лишь как попытка поверхностного рассмотрения внутреннего мира языка. Характеризуя расхождения в понимании языка, существующие между герменевтикой и семантикой, Г.-Г. Гадамер прямо указывает на то что: «герменевтика же сосредоточивается на внутренней стороне обращения с этим миром знаков или, лучше сказать, на таком глубоко внутреннем процессе, как речь, которая извне предстает как освоение мира знаков» [2, с. 60]. Исходя из общего контекста философской герменевтики, можно говорить о том, что речь в данном случае идёт не о сосредоточивании в его методологическом понимании, а сосредоточивании как обретении истинного бытия, здесь-бытия, осознанного существования, проявляющего себя не через что, кроме как понимание. Таким образом, можно говорить о том, что само положение интерпретатора таково, что оно не позволяет ему выйти за пределы собственного языкового понимания для того, чтобы обрести полноценный статус субъекта познания, или другими словами, чтобы взглянуть на текст «со стороны», для того, чтобы выделить его, как объект познания. Сам языковой процесс подразумевает, согласно Г.-Г. Гадамеру, «пребывание “внутри слова”, когда на него уже

не смотрят как на предмет» [2, с. 59]. Подобный взгляд на понимание места интерпретатора в философской герменевтике оставляет достаточно мало оснований для сомнения в тезисе, согласно которому: «Философская герменевтика есть научение правильному отношению к тому, внутри чего мы с самого начала находимся» [6]. Понимание характеризуемое, как отношение к реальности вообще [7, с. 36], тем самым сформировало предпосылки для дальнейшей проблематизации роли и отношения субъекта к познанию мира и в частности текста. Исходя из прагматических установок, представляется возможным рассмотреть философскую герменевтику, как минимум в двух смыслах. Первый из них будет определять философскую герменевтику, а конкретнее идею понимания, как метод гуманитарного познания. Второй смысл будет заключаться в определении философской герменевтики, как способа философствования и как следствие способа формирования фундаментальных представлений о мире. Применение понимания, как метода познания в социально-гуманитарных науках, вновь ставит перед применяющими его проблему вычленения текста из всего окружающего массива знания и главное из языка, как такового. Проблема определения гносеологического и онтологического статуса текста, в том числе в его экзистенциальном преломлении, является тесно связанной с процессом рефлексии над модерном, ярко проявившимся в постструктуралистской и постмодернистской философии, в рамках которой текст приобрел известные пантекстуалистские качества [4, с. 73]. Исследователями постмодернистской философии в

частности делаются выводы, согласно которым «учитывая содержательную объемность понятия “текст”, это понятие аннулирует самого себя: будучи всем, оно становится ничем» [3].

В чём смысл, если текст обозначая всё, в конце концов теряет всякий смысл? Язык, как явление фундаментальное, как следствие этого имеет жесткие привязки к истории, контексту, культуре в её исторических особенностях, в конечном счете имеет привязки к субъекту как носителю языка. В данном случае примечательно для нас такое устойчивое словосочетание как «носитель языка», демонстрирующее пусть и в неявной форме существующую связь между языком и его носителем, применительно к нашей теме, демонстрирующее связь с субъектом, в то время как словосочетание «носитель текста» звучит крайне абсурдно. Текст, представляя собой более легковесную конструкцию, гораздо больше подходит для оперирования постмодернистскими идеями, его гораздо проще представить в интерсубъективной или вовсе бессубъективной форме, особенно если этот текст трансформируется в свою гипертекстовую или интертекстовую форму. В конечном счёте текст гораздо проще изолировать и перекрыть ему выход к социальной реальности, за неимением выхода к которой последняя также сводится к тексту. В результате того, что текст изымается из языка, вне поля текста остается и его интерпретатор или применительно к нашей проблематике субъект познания, если под последним понимать осознанно действующую личность, наделенную способностью к рефлексии и осознанию окружающей его реальности.

Субъект, оказавшийся исключенным из поля текста, оставшись в своей культурной традиции, продолжает интерпретировать, создавать смыслы, но не выходит к частным наукам, опирающимся на текст, так как он не имеет выхода из герменевтического круга. Подобная задача просто не ставится в философской герменевтике, так как выходит за рамки целесообразности, заключающейся в необходимости приобщения к тому и понимания того в чем изначально находишься, то есть к культурной традиции, восприятие и интерпретация которой даёт возможность полноценно бытийствовать интерпретатору.

Проблемность возникает здесь именно в тот момент, когда пересмотру или даже негативистским оценкам подвергается сама традиция. Творящий субъект, обретший истинную бытийность в процессе приобщения к культурной традиции, в постмодернистской философии оказывается вне поля её интереса, его место занимает человек массовой культуры, не способный создавать собственные смыслы, а способный только воспринимать уже созданное. В этом смысле проявляется вся условность процесса «смерти автора», иными словами «умерший автор», зафиксированный в рамках рефлексии над модерном, в реальности никогда и не «рождался».

Рассмотрение проблематики статуса текста в социально-гуманитарном познании и его философском уровне неминуемо приводит к необходимости рассмотрения оппозиции реальность-язык и реальность-текст. Наши основные построения относительно понимания статуса языка в социальной реальности были отражены выше, в их

трактовке относительно философской герменевтики. Необходимость рассмотрения оппозиции реальность-текст, своими истоками уходит в область семиотики, а именно понимания текста, как знаковой системы, выражающейся через его семиотико-ценностную трактовку. Исходной позицией семиотического подхода к тексту является формирование оппозиций текст – не текст и текст – другой текст [5, с. 17], выработка которой опирается на значительное количество факторов, имеющих прагматический, гносеологический, аксиологический, обыденно-жизненный характер. В данном случае необходимо обозначить то, что семиотическое понимание текста выходит за традиционные лингвистические рамки, в которых текст понимается, как четко структурированный, законченный феномен (объект), обладающий внутренней непротиворечивой логикой, которой определяются границы текста, что выражается в понимании сущности знака и знаковости.

Подобное понимание текста происходит в поле культуры, вследствие чего «сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст» [5, с. 25]. На практике это проявляется в том, что понимание текста не привязывается к письму как таковому, исходя из данной позиции возникает возможность говорить о устном тексте, тексте искусства, тексте дописьменных цивилизаций. Объединяющим и исходным началом в данном случае является наличие определенной знаковости, присутствие того или иного знака или системы знаков определяет наличие или отсутствие текста. Формирова-

ние знаковости имеет неразрывную связь с субъектом текста, в рамках семиотики обретающего статус создающего или передающего и воспринимающего [5, с. 19]. Формирование знаковости, как было указано выше, не имеет строгой соотнесённости с письмом, так «естественный жест актёра в игре приобретает знаковое значение» [1, с. 302]. Вместе с тем несводимость знака к письму, не указывает на главенствующую роль письма в понимании статуса текста, по крайней мере в рамках современного мира. Антитеза текст – не текст, проявляет себя посредством выраженности, в то время как выраженность вырабатывается в её отнесенности к культуре. Культурная обусловленность выраженности проявляет себя в декларировании конкретных форм, необходимых для обретения статуса текста, и, как следствие, обозначения не текста. Среди указанных форм выраженности может присутствовать: фонологическая выраженность, графическая выраженность, как способы знаковой фиксации, либо «как требование определённого материала для закрепления» текста [5, с. 26]. Необходимо заметить то, что идея выраженности имеет явный не линейный характер, определяющийся прежде всего констатацией того, что различные формы и средства выраженности текста, являются не постоянными, изменяющимися во времени, но при этом одновременно сосуществующими, обратимыми. Так выраженность дописьменной культуры, проявляющаяся в форме «сверхъязыковой организации высказывания» например в форме пословиц, вновь частично проявляет себя уже в эпоху распространения «механических го-

ворящих средств», когда графическая выраженность для текста вновь становится не обязательной [5, с. 26]. Таким образом, преемственный процесс развития общества, не является «застрахованным» от возрождения определенных архаичных представлений и конструктов, функционирующих уже в рамках современности и вследствие этого не являющихся полной копией существовавшего ранее, но несущих в себе отдельные черты и характеристики этого существовавшего ранее. Характерной особенностью семиотико-ценностного подхода к тексту является чёткое выделение связей, существующих между текстом и человеком, что выражается в констатации того, что человек всегда производит текст, и, следовательно, его изучение вне текста невозможно в рамках собственно гуманитарной мысли [1, с. 304].

Ю.М. Лотманом были выделены две основные функции текста, выполняющиеся в системе культуры – это передача знаний и порождение новых смыслов [5, с. 61]. Подобные же функции, но уже непосредственно культуры выделяются и В.С. Степиным, обозначаемые им как традиция, социальная память и творчество [9, с. 43]. Вместе с тем и в концепции культуры В.С. Степина основную содержательную сторону культуры также несёт на себе текст, принимающий вид социального кода (социокода), функционирующего в обществе в рамках надбиологических программ по аналогии с биологическими программами ДНК и РНК [9, с. 41]. Видение в тексте не только преимущественно передающих составляющих, но и творческих значительно усложняет понимание роли и статуса текста в научном познании. Это «усложнение»

определяется главным образом необходимостью обращения к субъекту, как к абстрактной категории, выражающей всё многообразие человеческой личности, главным образом в её творческой целенаправленной деятельности. Передача знаний может быть представлена, пусть и «схематично», без её соотнесённости с субъектом или по крайней мере без её соотнесённости с активной, творческой деятельностью субъекта. Так передача информации в современном мире может осуществляться посредством использования в качестве «передающих» различных технических устройств, которые могут работать как система, лишь однажды созданная субъектом, который в дальнейшем выполняет роль только наблюдателя. В случае с порождением новых смыслов, субъект неминуемо оказывается в фокусе внимания, с одной стороны как основной элемент системы, способной порождать новые смыслы, и с другой как основной объект, к которому эти смыслы обращены. Статус субъекта, участвующего в процессе порождения смысла, а также качества, позволяющие личности обрести субъектность, предполагается возможным выделить исходя из обозначения «общих» коррелирующих точек, возникающих в семиотическом и философско-герменевтическом направлениях, в их отнесённости к субъекту познания.

Рассмотрение взаимодействия автора, текста и интерпретатора в философской герменевтике представляется возможным соотнести с семиотическими отправителем, сообщением и адресатом. В первом случае основное внимание уделяется общекультурному характеру осуществления герменев-

тического треугольника, во втором случае изучению структурных компонентов осуществления передачи информации. Другими словами в философской герменевтике автор обретает известную абстрактность как автор «вообще», однако эта абстрактность подразумевает нахождение в поле культуры, как неотъемлемого элемента абстрактного автора, в случае же с отправителем подобной привязки к культурному полю может и не быть, так как оно не является неотъемлемым элементом отправителя, тем не менее функционируя в культурном поле, отправитель «вообще» является чистой логической конструкцией. Подобные выводы возможно применить и к соотношениям текст-сообщение, интерпретатор-адресат.

Вместе с тем изучение процесса смыслообразования, так или иначе приводит к необходимости рассмотрения в этом процессе места субъекта познания, так как текст не способен формировать смыслы самостоятельно. В рамках философской герменевтики субъект познания, выступающий в ипостаси интерпретатора занимает одно из центральных мест, обретая в процессе интерпретации истинную бытийность, определяющуюся вхождением в герменевтический круг. В семиотике центральное место занимает текст и идея его реализации, фактически бытийность обретает текст, а не его интерпретатор. Вместе с тем текст, не способный реализовать себя в изоляции от интерпретатора, приводит к формированию идеи «открытого текста», рассматриваемого уже в тесной связи с его интерпретатором, когда последний выступает в качестве составного элемента в процессе актуализации

текста [11, с. 13]. В теории «открытого текста» интерпретатор-адресат перемещается с периферии семиотического знания в её центр, так важные значения начинают иметь определенные качества субъекта, вступающего в контакт с текстом. Если в герменевтической философии от интерпретатора требуется «погружённость» в историческую традицию и обладание совокупностью предрассудков, как необходимое условие вхождения в герменевтический круг, то в семиотике от субъекта или адресата-читателя требуется интертекстуальная компетенция, позволяющая осуществляться тексту, как тексту открытому, таким образом, личные качества субъекта в семиотике начинают обретать решающее значение [11, с. 13]. Целенаправленная, осознанная деятельность субъекта в отношении открытого текста реализуется посредством интерпретационного выбора [11, с. 13], который можно интерпретировать как волю субъекта, выражающуюся через его текстовое сотворчество и опосредованную его интертекстовой компетентностью. Воля субъекта в данном случае не равнозначна произволу, «рамки» интерпретирования субъектом задаются интертекстовой компетентностью, что выражается в частности в соотношении «закрытого» и «открытого» текстов, так ««закрытые» тексты, хотя и нацелены на «послушное» сотрудничество адресата, на самом деле весьма открыты для случайностей прагматики» [11, с. 17]. В то время, как «открытые» тексты, требующие интерпретационного выбора от субъекта, порождают смысл не хаотично, так как «открытый текст подразумевает “закрытого” М-читателя, как составную часть сво-

ей структурной стратегии» [11, с. 21]. Таким образом, текст, для того чтобы реализоваться, требует к себе субъекта, наделённого определёнными личными качествами, в случае отсутствия которых, текст не реализуется или «в лучшем случае он станет другим текстом» [11, с. 22], равно как и не произойдёт вхождения субъекта в пределы герменевтического круга.

Таким образом, субъект является важнейшим элементом системы порождающей смыслы. Деятельность субъекта в процессе порождения смыслов имеет нелинейный характер, выражающийся в наличии обширной вариативности возможных интерпретаций. Качества, присущие субъекту являются определяющими для процесса порождения смыслов. Фундаментальной основой качеств субъекта, необходимых для формирования смыслов текста, является воля, в частности зафиксированная в рамках семиотического подхода к проблеме текста, как возможность интерпретационного выбора.

Резюмируя выше сказанное, можно говорить о том, что в рамках семиотического, общекультурного и философско-герменевтического подходов к проблеме текста, были выработаны основные представления о статусе текста, его границах и функциях. Понятие текста в широком смысле как «связного знакового комплекса» [1, с. 299] или как знаковой системы включает в себя более узкое понимание текста, фигурирующее как основной объект изучения гуманитарных дисциплин. Обозначенная взаимосвязь текста и культурной среды, социального контекста, интерпретатора, проявляет себя в том числе и в рамках проблемы понимания

статуса научного текста, в частности в рамках социально-гуманитарного научного познания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Автор и герой к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
3. Ильин А.Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»: [сайт]. [2010]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 11.10.2014.)
4. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66-79.
5. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
6. Малахов В.С. Герменевтика и традиция. Традиция, в которой мы не живем [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_01.htm (дата обращения: 11.10.2014.)
7. Немцев М.Ю. О понятии «текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикер) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 36–38.
8. Немцев М.Ю. Содержание и значение «философского текста» в философской герменевтике XX века: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2008. 36 с.
9. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.:СПБГУП, 2011. 408 с.
10. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39. № 1. С. 124–136.
11. Эко У. Роль читателя. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.